

РЕЦЕНЗИЯ НА ДОКЛАД М.И. ВОЕЙКОВА: ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Водомеров Николай Кириллович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
член редколлегии журнала «Теоретическая экономика»,
г. Курск, Российская Федерация.

Аннотация: Рецензент подвергает критическому анализу основные положения рассматриваемой работы. Показано, что автор анализируемого доклада, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН Михаил Илларионович Воейков, неверно, по мнению рецензента, оценивает характер революций 1917 года в России. Признано, что вопросы, поднятые в рецензируемой работе, являются остро актуальными для населения Российской Федерации. Они, как показано в рецензии, влияют и на оценку сегодняшнего социально-экономического состояния РФ, и перспектив её развития. Рецензент призывает не игнорировать методологию классической политэкономии в трактовке острых и дискуссионных вопросов о революционных преобразованиях общества и экономики.

Ключевые слова: буржуазная революция, социалистическая революция, капиталистические производственные отношения, индустриализация, характер российских революций 1917 года.

JEL: A13

REVIEW OF M. I. VOEYKOV'S REPORT: THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION: ECONOMIC DIMENSION

Vodomerov Nikolay Kirillovich
doctor of Economics, Professor
Professor of Kursk state University, member of the editorial Board of the journal «Theoretical Economy»
Kursk, Russia

Abstract: The reviewer makes a critical analysis of the main provisions of the work. It is shown that the author of the analyzed report, the head of the sector of political economy of the Institute of Economics of Russian academy of sciences Mikhail Illarionovich Voeykov, incorrectly, according to the reviewer, assesses the nature of the revolutions of 1917 in Russia. It is confessed that the questions lifted in the criticized work are sharply actual for the population of Russian Federation. They, as shown in a review, influence and on the estimation of the today's socio-economic situation of Russian Federation, and prospects of her development. A reviewer calls not to ignore methodology of classic political economy in interpretation of sharp and debatable questions about revolutionary change off society and economics.

Keywords: bourgeois revolution, socialist revolution, capitalist production relations, industrialization, character of the Russian revolutions of 1917.

В рецензируемой работе М.И. Воейков формулирует и обосновывает свои ответы на следующие поставленные им вопросы: «Так что же было на самом деле в 1917 г., что же было в России все 74 года, от чего действительно отвернулся народ, что мы имеем сегодня, и что же нас ждет завтра? Все эти и подобные им «проклятые вопросы» каждый день задает себе и другим каждый мыслящий россиянин, и не только житель России, но всех других республик бывшего СССР» (с.5).

Прежде чем перейти к разбору ответов автора на эти «проклятые вопросы», выразим свое несогласие с утверждением автора о том, что «народ» якобы «отвернулся» от того общества, которое было в нашей стране «все 74 года», то есть от советского строя. Хотелось бы напомнить автору о результатах референдума 1991 года, на котором подавляющее большинство граждан однозначно высказалось за сохранение СССР. Да и в наши дни при проведении различных социологических

опросов постоянно выясняется, что преобладающее число россиян до сих пор считает, что лучшим для жизни было время в период до «перестройки», несмотря на многолетнее и систематическое поливание грязью советского периода истории большинством СМИ.

Суть ответов М.И. Воейкова на поставленные вопросы сводится к тому, что, по его мнению, в 1917 году в России было не две, а одна революция, которая прошла в два этапа и носила буржуазно-демократический характер, и что в Советском Союзе не было социализма в научном понимании. Обоснование этого мнения автором состоит из следующих аргументов:

- «Численность пролетариата в начале XX в. в России была настолько незначительной, что говорить о пролетарской революции просто не приходится.

- Отсутствие достаточных материальных и исторических предпосылок для социалистической революции. Слабое развитие капиталистических производственных отношений вообще и почти полное отсутствие их в аграрном секторе экономики, где была занята подавляющая часть населения.

- Невозможность за 7–8 месяцев между февралем и октябрём прохождения пути буржуазного развития.

- Надлом в результате революции лишь феодальных форм жизни общества.

- Нечеткость трактовок характера революции в работах самих лидеров большевизма.

- Постоянная аналогия в работах и выступлениях большевиков с другими буржуазными революциями, с историей развития капиталистического способа производства» (с. 52).

Остановимся подробнее на приведенных аргументах.

Оценивая численность рабочего класса в России к началу революции, М.И. Воейков пишет: «... к пролетариату, собственно, можно отнести 3-5 млн человек на почти 160 млн населения страны в 1917 г. Другими словами, можно сказать, что пролетариата, в точном смысле этого слова ... перед революцией 1917 г. в России было примерно 2–3% от всего населения страны. Правда, при данном подсчете не учитываются члены семьи, что увеличило бы приводимую цифру, как минимум, в 2-3 раза. Однако, нам представляется, что членов семьи, иждивенцев нельзя включать в общее число пролетариата (или шире – рабочего класса), ибо домашняя хозяйка, и тем более дети и старики, не являются носителями конституирующих признаков данного класса. Но даже если увеличить численность рабочих за счет взрослых членов семьи, то общий процент этого класса в любом случае не превысит 5-6% от всего населения страны». (с.25)

Между тем в таком солидном источнике, как семитомный труд «История социалистической экономики СССР», подготовленном большим авторским коллективом авторитетных советских ученых и изданном ИЭ АН СССР, приводятся следующие данные: в 1913 году только в промышленности России насчитывалось 3,5 млн рабочих, а в целом в экономике – почти 15 млн наемных рабочих [1, с.18]. Кроме того, к пролетариату необходимо добавить и сельских пролетариев – крестьян-батраков, численность которых резко возросла в результате столыпинских реформ. И если оценивать долю рабочих в общей численности населения, то нет никаких оснований исключать из нее членов семей рабочих, поскольку это в основном – либо бывшие, либо будущие наемные рабочие, в любом случае они живут за счет дохода от продажи рабочей силы, а не дохода от собственности или от продажи товаров. С учетом этого удельный вес пролетариата в численности населения в 1913 году можно оценить, на наш взгляд, минимум в 14-15%.

Кроме того, для совершения пролетарской революции и не требуется абсолютное преобладание рабочего класса в численности населения, как не требовалось преобладание буржуазии в численности населения для совершения буржуазных революций. Необходимым условием победы пролетарской революции является организованность рабочего класса и его союз с большинством трудового крестьянства, что и сложилось в России к 1917 году, иначе бы Советская власть, как власть рабочих и крестьян, не устояла бы в гражданской войне.

Что касается «отсутствия» или наличия достаточных материальных и исторических предпосылок

для социалистической революции», то в этом вопросе критерием является практика – если революция победоносно совершилась, значит предпосылки были. А социалистическая революция произошла, поскольку кардинально изменился и классовый характер государственной власти – была установлена власть рабочего класса, и отношения собственности на средства производства – их основная масса перешла в общественную собственность в форме собственности государства, но иной формы для общественной собственности на первых этапах развития социализма и быть не может.

При этом «слабым» или не «слабым» был уровень развития «капиталистических производственных отношений вообще», можно судить по тому, что в России того периода уже была крупная промышленность, и по объему промышленного производства Россия находилась в первой пятерке государств. Суждение же М.И. Воейкова о «почти полном отсутствии» капиталистических отношений «в аграрном секторе экономики», представляется тенденциозным, поскольку в тот период в сельском хозяйстве быстро множились ряды кулаков и работающих на них крестьян-бедняков. Кроме того, в сельском хозяйстве быстро развивались переходные к капитализму формы, которые были блестяще проанализированы В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России».

Аргумент М.И. Воейкова о «невозможности за 7-8 месяцев между февралем и октябрём прохождения пути буржуазного развития» также не выдерживает критики. За период от февраля к октябрю «буржуазное развитие» имело место, оно, конечно же, не успело пройти полный путь развития капитализма, но этого и не требовалось. Оно было прервано сменой классового характера власти, что в дальнейшем позволило провести коренные преобразования отношений собственности и всей системы экономических отношений.

По мнению М.И. Воейкова, в результате Октябрьской революции произошел «надлом ... лишь феодальных форм жизни общества», а «буржуазность», якобы сохранилась. Причем автор усматривает «буржуазность» в следующих отношениях советского общества: «Под буржуазностью ... понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной и хозяйственной деятельности следовать принципам рационального экономического поведения. Буржуазность – это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по-старому, хозрасчет, доведённый до каждого человека. Но буржуазность – это не просто экономическая рациональность и эффективность, а рациональность, возведенная в высший принцип существования, в своеобразную религию. В условиях советского периода буржуазность не проявлялась, так сказать, в ее чистых формах, было много своеобразия, источником которых, с одной стороны, был не пережитый феодализм. Например, индивидуализм не играл решающей роли. ... буржуазные отношения начали формироваться еще в старой России и продолжились в советской. Это проявлялось в индустриализации, развитии хозрасчета, материальном стимулировании труда и т.д. Развитие экономики, повышение эффективности производства, стремление к рентабельности, всемерной экономии и рачительности в хозяйстве – все это есть проявление буржуазности данного способа производства. Ничего социалистического здесь нет. Индустриализация, например, есть необходимый элемент формирования и развития капиталистического способа производства, а не элемент посткапиталистического развития. В России же индустриализация происходила в 1930-е годы, и только в результате ее страна перестала быть аграрной. Лишь в середине 1950-х гг. городское население СССР превысило сельское, т.е. всего-то 60 лет назад страна стала урбанизированной. Именно в ходе и вследствие индустриализации получали развитие такие сугубо буржуазные отношения, как хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификация труда, ударничество, стахановское движение и т.п.» (с.38-39)

По логике автора получается, что в социалистическом обществе отдельным людям, группам и классам обязательно нужно действовать нерационально. Но это явно противоречит одному из важнейших законов социалистического общества – закону экономии рабочего времени (живого и овеществленного), закону, который по мысли К. Маркса должен стать «первым законом» в условиях

общественной собственности на средства производства [2, с.78]. Кроме того, в Советской России, к сожалению, рациональности и экономической эффективности довольно часто не хватало, и уж тем более они не были возведены «в высший принцип существования, в своеобразную религию». Социалистическое соревнование (ударничество, стахановское движение), благодаря которым были достигнуты высочайшие темпы развития СССР, и аналоги которых не наблюдались ни в одной капиталистической стране, М.И. Воейков без всяких на то оснований относит к «буржуазности». А коллективизм, присущий именно социалистическому обществу, он почему-то считает пережитком феодализма.

Мнение автора о том, что индустриализация должна завершаться обязательно в период капитализма, ни на чем не основано. И социализм не является неким неопределенным «посткапиталистическим» обществом, а обществом, основанным на общественной собственности на средства производства, в котором вполне может, более того, – должна осуществляться начатая капитализмом индустриализация.

Совершенно непонятно, почему автор относит к «сугубо буржуазным отношениям» «хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификацию труда». Это, ведь, формы именно социалистических отношений – отношений распределения по труду, планомерного учета, контроля и распределения общественного труда и его результатов, хотя они и осуществляются посредством использования денег. В их наличии, в частности, заключаются особенности социализма как первой фазы коммунистического общества, которая во всех отношениях несет на себе, по выражению К. Маркса, «родимые пятна, отпечатки буржуазного общества». Эти отношения были бы «сугубо буржуазными», если бы в них был класс частных собственников средств производства – буржуазии, присваивающий прибавочную стоимость, но его, ведь, не было.

Такие аргументы, как «нечеткость трактовок характера революции в работах самих лидеров большевизма. ... постоянная аналогия в работах и выступлениях большевиков с другими буржуазными революциями, с историей развития капиталистического способа производства», очевидно, никак не могут быть приняты за доказательство в защиту якобы «буржуазного» характера Октябрьской революции.

Остановимся еще на ряде суждений М.И. Воейкова.

Так, ему непонятно, «почему «власть Советов» появилась только в октябре, а не в феврале 1917 г., и т.п.» (с.7-8) Но, ведь, известно, что в феврале 1917 года в стране установилось двоевластие, а затем власть перешла (по сути, была передана советами) в руки буржуазного временного правительства.

М.И. Воейков полагает, что «ни один образованный и думающий исследователь в мире не может назвать общественный строй, который существовал в СССР, социалистическим в полном смысле этого слова, без каких-либо эпитетов или оговорок» (с. 9). Но считать советский строй не вполне социалистическим, или незрелым, недостаточно развитым социализмом, не значит полагать, что он был буржуазным, как считает автор. И то обстоятельство, что в России в 1990-е годы произошла реставрация капитализма, отнюдь не опровергает факта создания в нашей стране социализма, пусть и в недостаточно зрелой форме. Об этом свидетельствуют такие черты советского строя, как, приоритет общих интересов трудящихся при разработке и реализации государственной политики, включая народнохозяйственное планирование и экономическое стимулирование, распределение по труду и из общественных фондов потребления; отсутствие эксплуататорских классов – как буржуазии, так и частных земельных собственников; постепенное сокращение социально-экономического неравенства между членами общества на основе роста производительных сил и повышения благосостояния народа и др.

За годы Советской власти в стране были созданы производительные силы такого уровня, который реставрированный в 90-е капитализм оказался не в состоянии поддерживать и который он до сих пор не может достичь.

М.И. Воейков полагает, что в СССР «распределение осуществлялось частично по труду (буржуазность), частично по социальному статусу в бюрократической иерархии (феодалность) ... дифференциация в оплате труда есть отступление от социалистических принципов в сторону буржуазности. (с. 47, 39).

Однако никто из основоположников марксизма никогда и не утверждал, что при социализме должно быть уравнильное распределение, напротив, они, как известно, неоднократно писали о необходимости сохранения на низшей стадии коммунистического общества социалистического принципа распределения по труду, – т.е. «дифференциации в оплате труда», – которое, хотя и несет на себе отпечаток буржуазного общества, но является отрицанием буржуазного распределения, при котором капиталисты присваивают прибавочную стоимость, а также отрицанием наличия самого класса буржуазии.

Что же касается распределения «по социальному статусу в бюрократической иерархии», то она присуща всем современным капиталистическим странам, в том числе – России, и вовсе не является признаком «феодализма». Более того, те привилегии руководящим работникам, которые распространились в последние годы Советской власти и на которые постоянно указывают противники советского строя, по своим размерам были намного меньше нынешних привилегий «слуг народа». Кроме того, эти привилегии появились и стали усиливаться в тот период, когда в СССР стали усиливаться частнособственнические тенденции и общество постепенно стало утрачивать свои социалистические черты, перерождаясь в буржуазное. Эти тенденции начались в 1960-е годы, затем усиливались и получили ускорение в период горбачевской «перестройки».

В основе их, на наш взгляд, лежал отход руководства КПСС от марксистско-ленинских позиций в понимании закономерностей развития социализма в конце 1950-х гг., что вызвало рост бюрократизма в аппарате управления и создание в экономике затратного хозяйственного механизма, нацеленного не на экономию рабочего времени, а на рост стоимостного вала и нерациональному использованию общественного труда, что в конечном счете привело к снижению темпов социально-экономического развития страны и возникновению народнохозяйственных диспропорций.

Отметим еще один аргумент, выдвигаемый М.И. Воейковым в защиту своей точки зрения. Он пишет: «... ни Ленин, ни его сподвижники даже в начале 1920-х годов нигде не говорили о социалистическом характере общества того времени, в котором они жили». (с. 47). Однако В.И. Ленин и его соратники и не могли говорить о социалистическом характере общества того времени, поскольку считали его переходным периодом от капитализма к социализму.

Подводя итог, хотелось бы напомнить следующие слова В.И. Ленина: «Социализм не готовая система, которой будет облагодетельствовано человечество. Социализм есть классовая борьба теперешнего пролетариата, идущего от одной цели сегодня к другой завтра во имя своей коренной цели, приближаясь к ней с каждым днем» [3, с.54]. В ходе этой борьбы, особенно на ее начальных этапах, трудно избежать ошибок и неудач, поскольку в историческое творчество вовлекаются широчайшие массы людей, интересы которых и уровень понимания ими задач социалистического строительства отнюдь не одинаковы, притом, что они в борьбе за новое общество вынуждены преодолевать жестокое противодействие национальной буржуазии и международного империализма. Кто, говоря словами М.И. Воейкова, «не приемлет» такого социализма, тот, видимо, не вполне понимает его сути.

Те же, кто полагает, что для создания социалистического общества требуется только приход к власти сторонников социализма при наличии всех «материальных и исторических условий», глубоко заблуждаются. Как заблуждаются и те, кто думает, что буржуазия без боя позволит рабочему классу осуществлять коренные преобразования отношений собственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История социалистической экономики СССР. В 7 томах. – М.: Наука, 1976. – Т. 1. – С.18.

2. Маркс К. Экономические рукописи (первоначальный вариант «Капитала») / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 46. – Ч.1. – с. 78.

3. Ленин В.И. Разговор / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. 2-е изд. – Т.23. – С.54.